

Е. М. Главацкая*

ПРИПОЛЯРНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1926-1927 гг.:
ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО
ЛАНДШАФТА ОБДОРСКОГО КРАЯ¹

НАЗВАНИЕ ЭТОЙ СТАТЬИ может показаться абсурдным, и для этого, надо признать, есть основания. Во-первых, бланки Приполярной переписи считались уничтоженными, как, впрочем, и первичные материалы всех последующих советских переписей². Во-вторых, есть большое количество других источников: живописные миссионерские отчеты сотрудников Обдорской миссии и этнографические материалы исследователей и путешественников, посетивших край. Совокупность этих материалов дает прекрасную возможность реконструировать религиозный ландшафт региона достаточно детально. Более того, историкам хорошо известно, что вопроса о религиозной принадлежности в бланках Первой Всесоюзной переписи 1926 г. вообще не содержалось. Так почему же все-таки перепись, религия и Обдорский район? Иногда проще начинать с конца.

Обдорский край в контексте всемирной истории колонизации

Обдорский край, которому посвящена данная статья, является уникальным с различных точек зрения. Географически – это самый северный и самый большой по площади район Северо-Западной Сибири, занимавший восточный склон Урала, низовья Оби, Ямал и часть Гыданского полуострова. Он характеризуется крайне суровыми климатическими условиями, малонаселенностью и замедленными темпами освоения³.

История Обдорского края в составе Русского государства началась с основания в 1595 г. городка Обдор на месте древнего остяцкого поселения, который впоследствии дал название всему району. Вплоть до конца XIX в. эта территория находилась в сфере влияния социально-политического объединения, известного как Обдорское княжество. Обдорские князья, признавшие власть Москвы, смогли сохранить свои владельческие права на условии исправной сдачи ясачной по-

* Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и вспомогательных исторических дисциплин Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ, грант «Религиозный ландшафт Урала и Северо-Западной Сибири в XVI–XX вв.: материалы к атласу». № 08-01-00426а.

² Фрагменты коллекции первичных документов были обнаружены в фондах Государственного архива Свердловской области и в фондах Государственного учреждения «Государственный архив» Тюменской области в г. Тобольске. Пользуясь случаем, хотелось бы выразить глубокую благодарность В. И. Байдину, указавшему на материалы переписи в ГАСО, и О. Ю. Сарафанову – за содействие в работе с ними. Оцифровка и создание баз данных переписи были осуществлены в рамках проекта «Archival and Living Transcripts», поддержанного Британским советом по гуманитарным исследованиям, грант № B/RG/AN9129/APN16283.

³ См. *Побережников И. В.* Ямал в XII – начале XX вв.: Периодизация русского освоения // Русское освоение Ямала до начала XX века. (документы и исследования). Екатеринбург, 2005. С. 3.

винности шкурками пушных зверей, которую они собирали с подчиненных им остяков и соседей – самоедов. Географическая удаленность края способствовала поддержанию определенной самостоятельности правителей Обдора. Они держали в страхе население соседних волостей, нередко инициировали грабительские набеги на их поселения. Попытки модернизации жизни аборигенов Сибири, предпринятые Русским правительством в первой четверти XIX в. мало затронули жизнь кочевников-оленьеводов.

В культурном отношении Обдорский край также подвергся наименьшему влиянию со стороны Русского государства. Несмотря на то, что единичные случаи крещения зафиксированы в начале XVII в., целенаправленное распространение христианства в крае началось только в первой четверти XVIII в. Процесс этот шел медленно, почти без применения практики массовых крещений и разрушения священных мест. Продвижению миссии было оказано активное, порой вооруженное сопротивление, что в значительной степени задержало христианизацию и повлияло на ее методы. Миссионеры делали все возможное, чтобы приспособить христианство к условиям Севера, соглашаясь на выработку местной паствой своего варианта православной ритуальной практики. Именно здесь в наибольшей степени проявились лучшие качества миссионеров, создав условия как для развития христианства, так и для традиционной религиозности народов Обдорского края⁴.

Таким образом, специфика района и его определенная оторванность от центра заставляли строить с ним отношения на отличных от других районов Северо-Западной Сибири началах, допуская гораздо большую независимость и вариативность. В этом отношении пути развития Обдорского района во многом сопоставимы с судьбами североамериканских колоний европейских государств. Обратив внимание на схожесть проблем изучения этнической истории на двух континентах, А. Знаменский предположил возможность заимствования подходов и концепций, разработанных этноисториками – представителями коренного населения Северной Америки для более глубокого понимания истории и культуры евразийских народов⁵. Прежде всего имелась в виду метафора «middle ground»⁶, предложенная Р. Уайтом, для объяснения отношений партнерства и диалога, сложившихся в районе Великих озер между индейцами алгонкинами и колонистами французами и англичанами в XVII–XVIII вв.⁷ А. Знаменский нашел возможным использовать «middle ground» для объяснения феномена определенной независимости чукчей в XIX в. Он выделил три основных предпосылки для формирования особого автономного статуса чукчей: оленеводство, как основа экономики, наличие внешних торговых связей и особые отношения с православными миссионерами⁸. Все это, по мнению историка, способствовало формированию «middle ground». Поскольку особый статус определенной территории обычно

⁴ См. Главацкая Е. М. Христианское освоение Обдорского края // Русское освоение Ямала до начала XX в. Салехард; Екатеринбург, 2005. С. 150–187.

⁵ Znamenski A. A. Vague Sense of Belonging to the Russian Empire: The Reindeer Chukchi's status in nineteenth Century Northeastern Siberia // Arctic Anthropology. 1999. Vol. 36, Nos. 1–2. P. 20

⁶ Метафора «middle ground» не просто передается переводу. Буквально это «серединная почва», а в контексте – феномен отношений партнерства и диалога между колонизаторами и колонизируемыми.

⁷ White R. The middle ground. Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes region, 1650–1815. Cambridge university Press, 1991.

⁸ Znamenski A. A. Vague Sense of Belonging... P. 32–33.

является результатом слабости колониальной власти, можно предположить, что феномен «middle ground» появляется там, где происходит встреча различных культур и на то время, пока имеются предпосылки для его существования. В этом отношении Обдорский район с его специфическим статусом, развитым оленеводством, внешними связями и особыми взаимоотношениями с православными миссионерами, может вполне рассматриваться как пример «middle ground».

В плане проведения Приполярной переписи Обдорский район также представляет большой интерес. Среди регистраторов, принявших участие в переписи на его территории, оказались как профессионалы в области этнографии и статистики, так и местные жители, что определило информативность и качество материалов переписи.

Как уже говорилось, большая часть первичных материалов Приполярной переписи не сохранилась. Однако Обдорскому району в этом отношении повезло, пожалуй, чуть больше других. Удалось обнаружить хотя и не полную коллекцию, но образцы практически всех вариантов документов, заполнявшихся регистраторами во время переписи: Поселенные карточки, Похозяйственные бланки, Бланки торговых учреждений и факторий, а также Бюджетные бланки⁹. Все это позволяет реконструировать достаточно детальную картину жизни на Обдорском Севере.

Перепись длиною в полгода

Один из ключевых принципов организации переписей – краткий срок проведения. Теоретически это однодневные переписи «по состоянию на критический момент», а именно, – полночь накануне первого дня переписи. Соблюдение этого условия, особенно в таких районах как Обдорский, технически не возможно даже в наши дни. А Приполярная перепись 1926–1927 гг., кроме того, была не простой переписью, она вылилась в небывалое по масштабам и поставленным задачам мероприятие Советского государства. Это была длительная комплексная экспедиция на Север, сотрудники которой должны были продвигаясь на оленьих упряжках по намеченному заранее маршруту подробно описать каждое «туземное» хозяйство, его состав, экономику и быт, детали материальной культуры и духовной жизни северян. Ничего подобного никогда не предпринималось ни одной из стран мира. Ценность исследования заключалась и в том, что оно проводилось в период, когда социалистические преобразования еще не коснулись народов Севера и они во многом сохраняли традиционный образ жизни.

В подготовке переписи 1926 г. на территории Северо-Западной Сибири приняли участие видные исследователи Тобольского Севера: А. А. Дунин-Горкавич, Б. Н. Городков, В. М. Новицкий, Р. П. Митусова и многие другие. Возглавил Уральскую экспедицию, в чьи задачи входила регистрация населения Северо-Западной Сибири, заведующий Тюменским музеем Леонид Рудольфович Шульц. Официально работа Уральской экспедиции началась 26 ноября 1926 г. и продолжалась почти полгода, до апреля 1927 г.¹⁰

Переписью населения Обдорского района занимались 4 партии-экспедиции: Ямальская, Тазовская, Надымо-Полуйская и Сыне-Куневатская, регистрировавшие население по единым формулярам и единому плану.¹¹ **Ямальская экспедиция** состояла из руководителя Владимирцева и двух регистраторов – студентов

⁹ Подробная характеристика документов дана в статье: *Главацкая Е. М.* Материалы Уральской экспедиции Приполярной переписи 1926–1927 гг. // <http://www.abdn.ac.uk/polarcensusdata/>

¹⁰ ГАСО. Ф. 677-Р. Оп. 1. Д. 49. Л. 171.

¹¹ Там же.

экономического техникума Лебедева и Вознесенского, прибывших из Свердловска. С первых же дней экспедицию постигла неудача: после дневного перехода 28 ноября отряд подвергся нападению волчьей стаи, разогнавшей оленей, которых потом 5 дней собирали по тундре. Чтобы избежать потери рабочего времени Владимирцев и один из регистраторов отправились к факториям реки Щучьей, на одних легких нартах без чума¹².

Начальником в **Тазовскую партию** был приглашен П. П. Иорданский, агроном по образованию, имевший опыт работы в области статистики в Тюменском Окрстатбюро. Регистраторами стали П. Бржезинский – юрист, из административно-сылльных, и местный житель, зырянин Витязев – «хотя с низшим образованием, но хорошо знающий местные условия», – по отзыву Л. Р. Шульца¹³. Начальнику партии П. П. Иорданскому сразу пришлось столкнуться с проблемой транспорта. Бушевавшая в районе эпизоотия не позволяла рассчитывать на легкость найма оленьих упряжек. «Государственные» олени, пригнанные в Хальмер-седе, где их ожидали регистраторы, по распоряжению Обдорского РИКа, оказались настолько истощенными, что нуждались в продолжительном отдыхе или замене¹⁴. В довершение несчастий, регистратор П. Бржезинский получил сильнейший ожог, когда во время фотосъемки неожиданно вспыхнул магний. К тому времени, когда он оправился от травмы, олени госстада отдохнули, и отряд смог отправиться на них вверх по р. Таз до часовни Василия Убиенного¹⁵.

Надымо-Полуйскую партию возглавляла сотрудница Российского музея этнографии в Ленинграде, Раиса Павловна Митусова, прибывшая в Обдорск только во второй половине декабря 1926 г., так что регистраторы – студентка-этнограф Ленинградского госуниверситета Наталья Александровна Котовщикова и корреспондент газеты «Уральский рабочий» Юркевич вынуждены были выехать в тундру и приступить к работе самостоятельно. И эта партия вынуждена была задержаться в Обдорске до 5 декабря, ожидая возчика, опоздавшего из-за нападения волков. Регистраторы Надымо-Полуйской партии передвигались на оленьих упряжках и ночевали в чумах своих переводчиков, нанятых из числа местных жителей. Реальные расстояния между населенными пунктами оказались значительно больше, чем предполагалось при планировании маршрута, а необычно снежная зима еще больше усложняла условия продвижения¹⁶. Руководитель партии Р. П. Митусова вскоре после выезда в поле тяжело заболела воспалением легких и, вероятно, так и не смогла вполне оправиться от болезни на протяжении всей переписи. Из-за этого ей пришлось отказаться от выездов в тундру и ограничиться регистрацией кочевников, приезжавших на фактории Норэ и Хэ¹⁷.

Наконец, в составе **Сыне-Куневатской партии** находился всего один регистратор. Местный житель, учитель по профессии, Григорий Иванович Артеев был хорошо знаком с зырянами, хантами и ненцами, так что проблем с передвижением по маршруту следования и наймом нарт у него не возникало.

Данные переписи 1926 г. были использованы при составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Однако большая часть первичных материалов Приполярной экспедиции осталась лежать в пыли архив-

¹² ГАСО. Ф. 677-Р. Оп. 1. Д. 181. Папка 4. Л. 6 об.

¹³ Там же. Папка 3. Л. 210–210 об.

¹⁴ Там же. Папка 4. Л. 4 об.

¹⁵ Там же. Л. 6.

¹⁶ Там же. Л. 5 об.

¹⁷ Там же. Л. 3 об.

ных полок, многие до сих пор еще не обнаружены, что-то исчезло навсегда. Перепись жестко критиковали за отсутствие классового подхода в 1930-е гг., поэтому хранить ее не представлялось целесообразным. Подвиг участников Уральской экспедиции до сих пор не оценен по достоинству. Между тем, многие из них трагически закончили свою жизнь.

Студентка Ленинградского университета, Наталья Александровна Котовщикова, продолжила этнографические исследования на Севере. Однако, в середине июня 1929 года она трагически и нелепо погибла на Ямале, на побережье пролива Малыгина. Всех подробностей ее гибели установить так и не удалось. Известно, что она, будучи больна цингой в тяжелой форме, оказалась одна в «палатке», сделанной из паруса, брошенного на нарты, ожидая скорого приезда коллеги. Но письмо, переданное исследователем через ненцев, опоздало, буран и следовавший за ним туман не дали возможности ее коллеге К. Я. Ратнеру, вовремя придти на помощь. Бурное таяние снега сделало прямой путь невозможным и еще более задержало продвижение спасательной экспедиции. Наталью Александровну нашли лежащей в снегу, в 30 метрах от палатки. До последнего момента она вела дневник и, понимая, что обречена, оставила прощальное письмо коллегам¹⁸.

Григорий Иванович Артеев вскоре после окончания переписи некоторое время работал страховым агентом. Потом, из-за плохого состояния здоровья оказался безработным. Тем не менее, даже в это время продолжал трудиться по мере сил, приводя в порядок каталоги музея и библиотеки. Промучившись 8 месяцев без работы, Григорий Иванович вынужден был пойти служить псаломщиком в церковь. Этот шаг, согласно его собственному объяснительному письму, был сделан «по обстоятельствам пропитания семьи»¹⁹. На основании этого факта биографии Г. И. Артеев в 1929 г. был лишен избирательных прав и получил статус лишенца. Его заявления о восстановлении избирательных прав были отклонены, и только в 1932 г., после трехлетней работы счетоводом в Доме ненца, Г. И. Артеев был восстановлен в гражданских правах²⁰.

Раиса Павловна Митусова за годы работы на Севере собрала уникальный материал по этнографии народов Сибири, часть которого является украшением коллекций отечественных музеев. В 1937 г. она была арестована по сфабрикованному обвинению за «участие в контрреволюционной кадетско-монархической организации» и 7 декабря расстреляна в Новосибирске²¹.

Действительно, работа регистраторами была совершена огромная, и жертв она потребовала не малых. В чем же важность использования материалов переписи для изучения этнической истории народов Сибири? Дело в том, что важнейшим принципом любой переписи является то, что сведения берутся не из документов, а записываются со слов людей – носителей культуры, таким образом, работая с переписными формулярами мы анализируем свидетельства самого народа, что особенно ценно при изучении именно этнической истории. А поскольку

¹⁸ См.: Чернецов В. Наталья Александровна Котовщикова // Советский Север. 1930. № 1. С. 165–166.

¹⁹ ГАЯНАО Ф. 37. Оп. 1. Д. 47. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ Карапетова И. А. Коллекция Р. П. Митусовой по аганским хантам в Собрании РЭМ // Обские Угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря 1999 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 1999. С. 229–231.

ку перепись – источник массовый, то он дает возможность реконструкции значительного среза или информационного поля этой истории.

Религиозный ландшафт Обдорского края

Религиозные традиции народа являются важным этнообразующим фактором и элементом культуры. Народы, населявшие Обдорский край, ханты и ненцы не были в этом отношении исключением. Более того, их мифология запечатлена в окружающей среде и связывает через конкретные географические места современный коллектив людей с далекими реальными и мифическими предками. Поэтому исследование религиозности народов Обдорского края должно обязательно включать географический – ландшафтный компонент.

Традиция изучения исторических событий, явлений и коллективов людей в непосредственной связи с территориями их проживания утвердилась в европейской науке в качестве особого подхода, получившего название «культурный ландшафт» в начале XX в.²² Инициатива географов по изучению культурного ландшафта была вскоре подхвачена археологами, особенно после развития конкретных методов изучения культурного ландшафта, основанных на анализе объектов, связанных с изучаемой культурой²³. При этом анализ понимался как «прочтение следов», оставленных культурой на определенной территории. В этих «следах», по меткому выражению П. Льюиса, запечатлелись вкусы, ценности, надежды и даже страхи носителей культуры²⁴. В работах антропологов культурный ландшафт стал пониматься как явление, связанное с определенным временем и изменяющееся в процессе жизнедеятельности коллективов. В частности, Т. Ингольд, рассматривал его как «окружающий мир в том виде, в каком он известен тем, кто в нем живет»²⁵.

Применительно к территориям, на которых проживало несколько народов, можно, вероятно, говорить о сложном многоуровневом культурном ландшафте, где каждый из народов имел свое представление об окружающем мире. В этом отношении Обдорский район, учитывая историю процесса его христианского освоения²⁶, должен был представлять собой пример сложного культурного ландшафта. В данной статье предпринята попытка реконструкции только одной из его составляющих – религиозности на основании материалов Приполярной переписи 1926–1927 гг.

К сожалению, вопроса о религиозной принадлежности в бланках переписи 1926 г. действительно не было, что не позволяет реконструировать религиозный ландшафт на ее материалах в полной мере. Но ведь это была не просто перепись, а комплексная экспедиция по изучению народов Севера. Организаторы и участники переписи не могли упустить возможности собрать сведения по религии и

²² Sauer C. O. The Morphology of Landscape. Berkeley: University of California press. 1925. P. 343.

²³ Hoskins W. G. The Making of the English Landscape. London 1955.: Hodder & Stoughton; Meinig D. W. Reading the landscape: An Appreciation of W. G. Hoskins and J. B. Jackson // The Interpretation of Ordinary Landscapes. Ed. Meinig, D.W. New York, 1979: Oxford University Press. P. 195–244.

²⁴ Lewis P. F. Axioms for Reading the Landscape: Some Guides to the American Scene // The Interpretation of Ordinary Landscapes. Ed. Meinig, D. W. New York, 1979: Oxford University Press. P.12.

²⁵ Ingold T. The temporality of the Landscape // World Archaeology, Vol. 25, No 2, Conceptions of Time and Ancient Society. (Oct., 1993). P. 156.

²⁶ См. Главацкая Е. М. Христианское освоение Обдорского края // Русское освоение Ямала до начала XX в. Салехард; Екатеринбург, 2005. С. 150–187.

занести их в соответствующие графы Поселенных бланков. В разделе XVIII «Рыболовство» Поселенного бланка содержался вопрос № 27 о существовании каких-либо мест, где промысел был запрещен по религиозным соображениям, а раздел XX «Благоустройство, санитарное состояние и культурно-просветительское дело» содержал графу 8 с вопросом «Есть ли в вашем селении знахари (шаманы) и знахарки и как часто население к ним обращается?». Некоторые регистраторы активно использовали поля, предусмотренные для комментариев, и занесли ценную информацию, которую удавалось получить во время интервью. К сожалению, из 138 Поселенных бланков по Обдорскому району сохранились только 107 – те, что были заполнены регистраторами на территории Обдорского, Мужевского и Кушеватского сельсоветов.

Некоторые сведения о религиозных традициях хантов и ненцев Обдорского края, отложились, к счастью, еще и в Бланках регистрации факторий. Информация эта собиралась у жителей края в тот момент, когда они прибывали к торговым пунктам, где сдавали пушнину в обмен на промышленные и продовольственные товары.

Анализ материалов переписи свидетельствует, что население Обдорского, Мужевского и Кушеватского сельсоветов часто обращалось за помощью к шаманам, особенно при болезнях или в случае неудачной охоты. Несмотря на то, что жители обдорского сельсовета, как правило, заявляли, что у них шаманов нет, регистратор заполнявший поселенный бланк в остяцком селе Чепурас, усомнился в их искренности и сообщил в комментарии, что «в виду того что шаманы привлекаются к ответственности, об их существовании тщательно скрывают»²⁷. И действительно, остяки юртов Рынга-горт и Миликсим сообщили, что в случае болезней они обращались к шаманам (знахарям) из ближайших селений²⁸.

Согласно сведениям, собранным регистраторами у остяков Мужевского сельсовета, шаманы имелись в юртах Ильюшинских, Тав-горт и Нянин-горт, и жители этих населенных пунктов часто к ним обращались за помощью²⁹. Остяки Выенгортских юрт заявили, что шаманов своих у них не было, зато они часто пользовались услугами шаманов других населенных пунктов. К шаманам соседей обращались также остяки села Мужа, юрт Пильтим-горт и Васяхов-горт³⁰. По свидетельству остяков юрт Тогот-горт, Устье-Войкар и Пильтим-горт, шаманы имелись в остяцком селении Елисей-горт, куда они регулярно обращались за помощью³¹. Жители Устье-Войкар сообщили также, что шаманы есть еще и в юртах Верхний Войкар³². Что касается остяков Елисей-горта, то они утверждали, что шаманов у них нет, и «при появлении болезней население обращается в ближайшее селение», где есть доктор³³. Такое противоречие в сведениях, полученных регистраторами, может быть объяснено как раз стремлением скрыть шаманов от представителей власти.

Большое количество шаманов проживало в Кушеватском сельсовете, при этом многие славились по всему району. В частности, своих шаманов имели поселения Азеу-горт, Ас-ов-горт, Выли-горт, Ишвар, Менгитнел-горт, Моехтас, Ова-горт, Пит-лор, Питта-горт, Русь-соим-корт, Сангом-горт, Холасоим-горт и

²⁷ ГАСО. Ф. 1812-р. Оп. 2. Д. 214. Л. 46–48.

²⁸ Там же. Л. 94, 254.

²⁹ Там же. Д. 215. Л. 334, 126, 94.

³⁰ Там же. Л. 14, 46, 62.

³¹ Там же. Л. 110, 78, 46.

³² Там же. Л. 78.

³³ Там же. Л. 158.

Шижин-горт³⁴. В Питта-горте, согласно Поселенному бланку, «каждый глава семьи шаманит сам»³⁵. В селениях Ондорюган Корт, Остер горт, Посл горт и Пошты-горт своих собственных шаманов не было, но жители часто обращались к услугам шаманов, проживавших поблизости³⁶. Кроме того, в селениях Лагась-горт, Питта-горт, Пошты-горт, Сангом-горт и Холасоим-горт многие жители и сами могли шаманить³⁷. Вероятно, в данном случае имелись в виду ситуации, когда известного шамана не приглашали, но обходились своими силами.

Интересные подробности о шаманах были занесены регистратором в Поселенный бланк села Кушеват, население которого было исключительно русским. Вероятно, русские жители, хорошо знакомые с ритуальной практикой самоедов и остяков, не опасались последствий и легко делились информацией. В бланке сообщалось, что в случае неудачи во время промысла шамана «допрашивают» о ее причинах. Шаман, в свою очередь «совершает обряд ворожбы» с помощью «пещера» – бивня мамонта, после чего объясняет охотникам, что именно могло вызвать недовольство богов. При этом наиболее вероятными причинами назывались «плохое жертвоприношение или неокурение оружия бобровой струей»³⁸.

Помимо института шаманства население Обдорского края имело территории, обладавшие особым статусом. Промысловая деятельность, в таких местах была запрещена, но зато совершались жертвоприношения. Такие угоды, по сообщению остяков Елисей-горта, имелись в юртах Саимовских и Шижин-горте Кушеватского сельсовета. Здесь, согласно словам остяков Елисей-горта, «не производится охота на всякого зверя и птицу, исключения бывают – только жертвоприношения»³⁹. Вероятно, остяки Елисей-горта и сами совершали жертвоприношения на этом месте. Более того, анализ сведений, зарегистрированных в Поселенных бланках Кушеватского сельсовета, свидетельствует, что на священном месте около Шижин-горта жертвоприношения совершали также остяки Ондор-югана. Жители селения Мошпан также указали на особый статус территорий в юртах Саимовских и Шижин-горте. Сами жители Шижин-горта, сообщили, что место совершения жертвоприношений располагалось недалеко от селения «на правом берегу р. Большая Обь, вдоль горы, длина не более версты, ширина – сажень 100»⁴⁰. Священное место в юртах Саимовских находилось менее чем в версте от селения и представляло собой площадку размером «300 сажень на 1 версту»⁴¹. Жертвоприношения в случае болезней совершали в селениях Выли-горт, Лагась-горт, Пошты-горт, Сангом-горт и Холасоим-горт⁴². Остяки селения Ишвар имели заповедник (площадью не более 1 квадратной версты), где была запрещена охота по религиозным соображениям и совершались жертвопри-

³⁴ ГАСО. Ф.1812-р. Оп. 2. Д. 216. Л.46, 66, 126, 414, 462, 190, 222, 334, 14, 318, 30, 142, 206.

³⁵ Там же. Л. 14.

³⁶ Там же. Л. 254, 382, 270, 62.

³⁷ Там же. Л. 78, 14, 62, 30, 142.

* Бобровая струя или мускус – сильное ароматическое вещество, изготавливавшееся из высушенных ячеек бобра. Мускус экспортировался в Европу, где его использовали в парфюмерии. Народы Северо-Западной Сибири употребляли мускус в целях ритуального очищения.

³⁸ ГАСО. Ф. 1812-Р. Оп. 2. Д. 216. Л. 145–160.

³⁹ Там же. Д. 215. Л. 145–160.

⁴⁰ ГАСО. Ф. 1812-Р. Оп. 2. Д. 216. Л. 241–256; 337–352; 193–208.

⁴¹ Там же. Л. 433–448.

⁴² Там же. Л.113–128; 65–80; 49–64; 17–32; 129–144.

ношения⁴³. Места совершения жертвоприношений, запрещенные для охоты, имели и остья селений Моехтас и Ова-корт⁴⁴. Кроме того, остья поселений Менгитнел-горт и Русь-соим-корт также сообщили о существовании территорий, где было запрещено охотиться по религиозным соображениям, однако не указали где именно⁴⁵.

Русское население Кушевата охотно поделилось с регистраторами сведениями о жертвоприношениях, совершаемых остяками сельсовета: «при начале охоты туземцы сговариваются с местными или другими селениями купить сообщца оленя, корову или лошадь. И обязательно выбирают пестрых, затем делают жертвоприношения. При добыче зверя, если таковое было удачно и в большом количестве, то также делают жертвоприношения»⁴⁶. Информация о жертвоприношениях, совершавшихся населением мужевского сельсовета была зафиксирована в бланке регистрации фактории Уралгосторга в селе Мужы. Регистратор записал: «Эксплуатация промышленников не изжита, т.к. по религиозному культу остяку требуются для жертв олени, которых он, покупая у оленеводов на пушнину, никогда не выходит из долга и отдает лучшие сорта в надежде получить еще»⁴⁷.

Известное священное место под названием «Мыс Жертвы» или «Святой мыс» находилось в Обской губе. На нем были совершены коллективные жертвоприношения оленей в 1926 г., после того как оленеводы, кочевавшие в районе фактории Норэ узнали о публикации в газете «Северянин» о том, «что какой-то ученый заявил о начале ледникового периода, и что лета больше не будет». Регистраторы и сотрудники факторий вынуждены были проводить разъяснения по этому вопросу⁴⁸.

Переписчики отметили и особое отношение коренного населения Обдорского района к некоторым видам животных, в частности почитание волка и медведя. В примечении к бланку Лагась-горт Кушеватского сельсовета записано «волк и медведь, почитаемые на Куновате, никакого промыслового значения не имеют, за ними не охотятся и убивают только при случае, когда они сами на ружье лезут...»⁴⁹. А русские жители Кушевата сообщили, что остья, проживавшие на территории сельсовета, при добыче медведя устраивали «пляску», которая продолжалась в течение семи вечеров⁵⁰. В данном случае, вероятно, имелась в виду практика организации «медвежьих игрищ».

Что касается повседневной ритуальной практики, то в материалах переписи было отмечено, что население Мужевского и Кушеватского сельсоветов активно закупало бобровую струю на факториях⁵¹, которая использовалась в очистительных ритуалах.

Заключение

Итак, характеризуя религиозный ландшафт Обдорского края на основе материалов Приполярной переписи 1926–1927 гг., можно с уверенностью сказать, что, несмотря на длительность процесса христианского освоения Северо-Западной Сибири, он сохранил важнейшие элементы традиционной – не христи-

⁴³ ГАСО. Ф. 1812-Р. Оп. 2. Д. 216. Л. 401–416.

⁴⁴ Там же. Л. 177–192; 209–224.

⁴⁵ Там же. Л. 449–464; 305–320.

⁴⁶ Там же. Л. 145–160.

⁴⁷ Там же. Д. 187. Тетрадь 16. Л. 15 об.

⁴⁸ Там же. Д. 188. Тетрадь 8. Л. 16.

⁴⁹ Там же. Д. 216. Л. 65–80.

⁵⁰ Там же. Л. 145–160.

⁵¹ Там же. Д. 188. Тетрадь 9. Л. 7 об.; Тетрадь 4 (Обытrest). Л. 6 об.; Тетрадь 11. Л. 8 об.

анской религиозности. Эти элементы проявлялись, прежде всего, в активно действующем институте шаманства, сохранении практики жертвоприношений, поддержании священных мест, почитании животных и совершении обрядов ритуального очищения. При этом следует иметь в виду, что явления эти носили массовый и повсеместный характер, и с ними были знакомы не только те, кто принимал активное участие в их поддержании – остяки и самоеды, но и русские жители Обдорского района. Здесь следует отдать должное характеру отношений, сложившихся между остяками и самоедами, институтами государственной власти и православными жителями края. Взаимная заинтересованность, по большей части экономическая, привела к формированию ситуации, аналогичной той, что Р. Уайт назвал «Middle ground». Каждая из сторон шла на определенные уступки: допуская, мирясь или принимая часть элементов иной культуры, при этом сохраняя и развивая свою собственную.

На основе анализа сведений, полученных регистраторами от остяков и самоедов, можно реконструировать ряд элементов религиозного ландшафта и его основные доминанты: места, обладавшие особым сакральным статусом, где совершались жертвоприношения и те, где проживали шаманы, к которым чаще всего обращались за помощью. В обоих случаях речь шла о «коммуникации» через подношение или человека, обладавшего особым даром общения с богами, с высшими силами, влиявшими, по представлениям жителей Обдорского края, на их жизнь и судьбу.

К сожалению, приходится признать, что материалы переписи не дают возможности реконструировать все элементы религиозного ландшафта края. Что же не увидели или не захотели увидеть и рассказать регистраторы? Парадоксально, но факт, все, что касается достаточно богатой православной традиции, распространявшейся на территории края с конца XVI в., не нашло отражения в документах переписи. Можно предположить, что с окончанием деятельности Обдорской миссии окрещенные остяки и самоеды совершенно о ней забыли. Однако это представляется маловероятным. Некоторые новокрещены активно участвовали в ритуальной практике православной церкви и глубоко почитали ее ритуальное пространство. Характерен в этом отношении пример прихожан Полноватской церкви, пытавшихся защитить свой храм и приходского священника в разгар антирелигиозной борьбы⁵².

Феномен отсутствия информации о христианской составляющей религиозного ландшафта края в материалах переписи может быть объяснен тем, что организаторы переписи недооценили важности религиозного фактора. Институту церкви не было места в молодом Советском государстве, не было и смысла ее регистрировать. Отсутствие вопроса о религиозной принадлежности говорит само за себя. Что касается религиозно ассоциированных вопросов Поселенных бланков, то они задавались с целью выяснить размер угодий, выведенных из хозяйственной деятельности, и потребности развития медицинского обслуживания населения. И только тот факт, что в составе руководителей и участников Уральской экспедиции находились профессиональные этнографы и краеведы, повлиял на характер и полноту сведений, заносимых в бланки переписи.

История и материалы переписи, таким образом, являются ярким свидетельством того, что даже самый непредвзятый и профессиональный исследователь придает создаваемому им источнику, даже такому «отформализованному», как бланки переписи, достаточно субъективный характер.

⁵² См. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. (Из истории национально-государственного строительства 1822–1941 гг.): Сб. документов. Тюмень, 1994. № 66. С. 155.